

Они вошли в Большой зал. Столы были сдвинуты в стороны, и колоссальный кусок пергамента покрывал оставшийся пол от двойных дверей, через которые Гарри только что вошел, до ступеней перед Высоким столом.

Гарри узнал министра магии, разговаривавшего с Дамблдором. Было еще двенадцать волшебников и ведьм, которые вели жаркие дискуссии или руководили друг другом в каком-то действии. У них—Гарри был поражен, увидев—у всех, вплоть до профессора Дамблдора и министра, была странная ярко-желтая марля, обернутая вокруг их ботинок. Рядом с министром стоял мужчина с заостренным лицом, длинными платиновыми светлыми волосами и тростью, который властно стоял рядом с министром, и когда его глаза встретились с взглядом Гарри, он медленно улыбнулся.

Это должен был быть отец Драко. Сходство было поразительным, хотя сходство заканчивалось мертвым взглядом мутно-серых глаз взрослого. Это был кто-то, кто знал жестокость; то ли потому, что он рассказывал об этом, то ли потому, что сам принимал это, Гарри не узнает, пока не поговорит с ним.

"Подними ногу, Поттер".

Гарри так и сделал, и профессор Снейп похлопал по тренеру Гарри. Кусок неоновой-желтой марли отлетел от стола рядом с ним и привязался к его тренеру, чуть не сбив Гарри с ног. Не дожидаясь вопроса, Гарри молча подставил другую ногу, и процесс повторился.

Когда это произошло, Гарри огляделся и увидел две гигантские бочки на деревянных платформах без колес, стоящих в двух углах комнаты. Обе эти платформы имели длинную петлеобразную ручку из металла, торчащую сбоку. Гарри подумал, что они похожи на плавающие тележки.

"Ну и ну! Если это не сам Гарри Поттер!" Веселый министр сказал, что бросил двух могущественных волшебников рядом с ним. Он сжал руки вместе. "Очень хорошо, что ты здесь, Гарри. Как ты себя чувствуешь в этот прекрасный день?"

"Хорошо..." Гарри не был уверен, что именно в этом человеке ему не нравилось.

"Хорошо, хорошо. Меня зовут Корнелиус Фадж. Я министр магии. Это Люциус Малfoy. Если бы не этот джентльмен, мы бы не смогли профинансировать это начинание".

Отец Драко наклонил голову в знак согласия.

Министр Фадж откашлялся, оглядываясь по сторонам. Даже не спрашивая, он обнял Гарри за плечи и пожал ему руку. "Улыбнись, Гарри!"

Прежде чем Гарри успел среагировать, в его сторону полыхнул яркий свет, когда вспыхнуло

то, что он принял за фосфатный порошок. За этим последовал клуб пурпурного дыма.

Министр отступил. "Теперь, Гарри, я уверен, что ты очень рад найти настоящую семью. Это было ужасно, что эти магглы сделали с тобой. Поистине ужасно и прискорбно. Если бы мы только знали об их антиматических предвзятых суждениях раньше."

Гарри решил не говорить ни слова взрослому, потому что министр магии вел себя точно так же, как продавец новых автомобилей. Гарри ненавидел продавцов автомобилей и их маслянистую манеру убеждать людей, что они знают, что тебе нравится, лучше, чем ты сам. Он закончил тем, что случайно выпустил воздух из всех шин блестящих новых автомобилей на стоянке, когда один из них настоял на том, что ему очень нравится сидеть на заднем сиденье со своим двоюродным братом. Это был первый и последний раз, когда Дурсли взяли его с собой, чтобы купить новую машину.

Министр нервно откашлялся и хлопнул в ладоши. "Ну что ж! Есть один очень важный ингредиент, который нам необходим, чтобы начать наше масштабное начинание. Гарри, не мог бы ты протянуть руку мастеру Зелий Снейпу...?"

Гарри повернулся к профессору и протянул ему руку.

Ствол был сдвинут так, чтобы он был почти на уровне груди Гарри. Его крышка была снята, и внутри клубилась черная жижа, которая временами отливала фиолетовым или зеленым.

"Стой спокойно. Это будет больно, - пробормотал профессор Снейп. Он уколол большой палец Гарри кончиком короткого серебряного ножа и поднес его к стволу.

В тот момент, когда несколько капель его крови коснулись гигантского зелья, оно на мгновение засияло золотом, а затем стало прозрачным.

Профессор Снейп прижал чистую повязку к большому пальцу Гарри. С крючка на краю бочки профессор Снейп опустил ковш в зелье, осматривая его.

"Ну и что?" - нетерпеливо сказал министр.

"Это сделано. Где вы хотите, чтобы это пустило корни? - последовал скужающий ответ профессора Снейпа.

"Могу я порекомендовать дальний правый угол, министр?" - предложил профессор Дамблдор.

"Если вы верите, что это подходящее место для его размещения, то именно туда оно и отправится".

Трое из ожидавших людей вышли вперед и подтолкнули плавучую деревянную платформу туда, куда указал директор. Затем осторожно, о, так осторожно, они взяли полный ковш и осторожно налили его. Сначала ничего не происходило.

Гарри подошел ближе, чтобы посмотреть, был ли какой-либо эффект, а затем чернила начали подниматься на поверхность пергамента, выводя линии, которые образовывали имена и бессвязные каракули, которые превращались в портреты. В самом низу был Гарри. Его портрет был очень оживленным, его зеленые глаза озорно сверкали над широкой улыбкой. Казалось, он не мог усидеть на месте на фотографии, глядя то туда, то сюда, как будто у него было полубезумие попытаться вылезти из рамы. Гарри подумал, что это какой-то странный двойник, потому что он вряд ли думал, что он такой беспокойный.

Жирные линии связывали его с родителями, но, в отличие от миниатюрного портрета Гарри, портреты его родителей были жесткими, как маггловские фотографии.

Ствол был повернут под другим углом, а затем был открыт кран. Это вылилось на портрет Гарри, и внезапно линии вырвались из его отца, как сверхативный паук, плетущий паутину.

Ожидающие волшебники и ведьмы сошлись на головокружительном количестве раскрытых портретов, плавающие перья и пергамент следовали за ними.

Рядом с портретом Гарри появился портрет мужчины с черными растрепанными волосами и слегка безумными черными глазами. Взрослый не двигался, если не считать его печальных глаз, которые виновато перескакивали с портрета отца Гарри на его маму, на Гарри и обратно на его отца. Ниже этого человека, было написано Сириус Блэк, Крестный отец.

"Почему меня отправили к Дурслям, если у меня есть крестный отец, профессор?"

Профессор Снейп посмотрел на Гарри сверху вниз с непроницаемым выражением лица. "Сириус Блэк в Азкабане".

Гарри знал Азкабан по свиткам, которые дал ему Снейп. Это была тюрьма, созданная для магических преступников, охраняемых мрачными Темными существами, называемыми Дементорами. Дрожа, Гарри последовал за извилистой толстой линией, ведущей вверх и наружу. Имена всегда показывались первыми, за ними следовали портреты, большинство из которых были неподвижны, как смерть, и потемнели. Но затем за некоторыми портретами, ближе к середине и правому дальнему краю огромного листа пергамента, начали появляться ярко-зеленые фоны.

"Почему некоторые зеленые?" Гарри спросил.

"Обозначает либо сквибов, либо маглов", - холодно ответил Люциус Малfoy.

Гарри проследил за своим генеалогическим деревом, интересуясь именами. Он узнал многие портреты из "Зеркала Эризеда". Подойдя к середине, он заметил, что имена больше не заканчиваются на Поттера.

"А как насчет этих двоих?" -спросил Гарри, указывая на ведьму с дикими глазами и растрепанными волосами, которая, казалось, возбужденно кричала. Ее звали Беллатрикс Лестрейндж, урожденная Блэк, она была замужем за жилистым черноволосым волшебником по имени Родольфус Лестрейндж. Они оба двигались на своих портретах, и у них был жилистый, нервный вид сына по имени Пайк Лестрейндж.

"Тоже в Азкабане", - ответил профессор Снейп.

Гарри нахмурился, гадая, что это значит для их сына. Так что либо члены его семьи были мертвы, либо были плохими парнями, либо сиротами... Его взгляд скользнул по другим живым портретам с именами, не относящимися к Поттерам... Была ведьма средних лет Уизли, урожденная Пруэтт, которая была дочерью двоюродного дедушки Гарри. Под портретом пожилой ведьмы и волшебника была юная ведьма Тонкс, которая была племянницей Беллатрикс Лестрандж—и... "Я родственник Драко?" Гарри не мог поверить в то, что видел. Там было лицо Драко, презрительно ухмыляющееся с его анимированного портрета. Над ним Люциус Малfoy был спокойно доволен своей осанкой.

Гарри состоял в родстве с матерью Драко, которая приходилась внучатой племянницей его прабабушке, Дорее Поттер, урожденной Блэк. У Нарциссы Малfoy были еще более светлые светлые волосы и острые холодные глаза. Если бы Гарри не прочитал письмо Нарциссы Малfoy, урожденной Блэк, которое она отправила Драко, он бы не поверил, что она способна на теплоту.

Двое из бабушки и дедушки Драко были живы, его бабушка по отцовской линии—Изабелла Малfoy, урожденная Блэк,—и дедушка по материнской линии, Лебедь Блэк, и у Драко были живые тетя и дядя по материнской линии, те самые Лестранджи, которые были заключены в Азкабан. Гарри заметил пунктирную линию, идущую от сына Лестрейнджей, чтобы соединиться с линией, на которой находился портрет Драко. У отца Драко не было ни братьев, ни сестер, ни других наследников.

"Вот почему ты за все это платишь. »У тебя нет других сыновей», - сказал Гарри.

"Напротив, - тут отец Драко указал тростью на линию, соединяющую Пайка Лестрейнджа с Малfoями, - я усыновил своего племянника и воспитал его вместе со своим единственным сыном".

Мысль о том, чтобы быть усыновленным Малfoями, никогда не приходила Гарри в голову до тех пор. Гарри совершенно не нравилась эта идея.